

Е.Ю. Сиверцев

ПРЕДСУИЦИДАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматривается предсуицидальное состояние как феномен, провоцируемый в первую очередь не социальными и психологическими причинами, а особенностями человеческого существования. Данное состояние трактуется как искажение понимания человеком своего «я», вызванное изменением отношения к смерти. Делается предположение, что возвращение понимания смерти как последней и самой трагической возможности восстанавливает нормальное понимание «я» и ведет к угасанию аутодеструктивных намерений. Рассматриваются конкретные пути восстановления нормального понимания смерти.

Ключевые слова: суицид; предсуицидальное состояние; смерть; выбор; свобода; возможность.

По данным социологических исследований, суицид в современном мире занимает третье место среди причин смерти (первое место – соматическая болезнь, второе – ДТП). Ежегодно заканчивают жизнь самоубийством 30 000 граждан США, 25 000 граждан Японии, 20 000 французов. В России каждый год фиксируется в среднем 60 000 суицидов, кроме того, фиксируется около полумиллиона попыток самоубийства, не закончившихся летальным исходом [1. С. 3]. Данная статистика показывает, что антисуицидальные меры, предпринимаемые обществом и государством, не приводят к ощутимым эффектам. Очевидна необходимость поиска новых путей противостояния суицидальным настроениям.

Как представляется, философское осмысление суицида как комплексного социально-психологического явления до сих пор не сделано. Профессиональные суицидологи (врачи, социологи, психологи) рассматривают факты, приведшие к суициду, и на основании результатов исследований дают рекомендации, направленные на поиск возможности искоренения этих фактов или ослабления последствий их влияния. Философская рефлексия должна осмыслить суицид как поступок, который «неотделим от человека, от субъекта, который его осуществляет» [2. С. 46], а для выполнения такого анализа философия должна осмыслить психическое состояние, приводящее к суициду, как феномен, коренящийся в особенностях человеческого существования, причем таких особенностях, которые являются общими для всех *homo sapiens*, а кроме того, минимально подвержены влиянию фактов наличного бытия.

Данное исследование следует начать с феномена, получившего в медицинской и психиатрической литературе название «предсуицидальное состояние».

I

Термин «предсуицидальное состояние» имеет самые разнообразные определения. В.С. Ефремов понимает под ним «...внутренние формы... поведения... включающие в себя суицидальные мысли, представления, переживания и суицидальные тенденции» [3. С. 162]. Е. Рингель полагает, что это «психологический симптомокомплекс... В его основе – “ограничение психической жизни” в силу то ли особенностей личности, то ли динамики развития харак-

тера, интерперсональных контактов, присущей человеку системы оценок. В связи с этим возникает торможение агрессии вовне, преобладают аутоагрессивные тенденции (в понимании теории фрустрации), появляются желание смерти, фантазирование о смерти» (см.: [4. С. 157]).

Разнообразие определений порождает и разнообразие в понимании основных признаков предсуицидального состояния, а также его временных границ.

Антон Леонарс полагает, что главным признаком предсуицидального состояния является чувство невыносимой психической боли, а также чувство беспомощности перед имеющейся травмой (см.: [5. Р. 340]). Аарон Бек добавляет к этому перечню негативную и нереалистичную оценку будущего. Впереди суицидент видит лишь страдание, фрустрацию и депривацию (см.: [6. С. 225]).

В. Махлейдт считает, что предсуицидальное состояние – некое извращенное чувство собственного всемогущества – бунт против ситуации. Субъект наполняется чувством своей способности доказать тяжелой ситуации то, что он владеет ей, а не наоборот [7. С. 230].

Кроме антрополого-психологических концепций, существуют еще и социологические (Э. Дюркгейм, М.Я. Феноменов, А.В. Лихачёв). Авторы, работающие в данной парадигме, полагают, что предсуицидальное поведение вызывается прежде всего внешними, социальными факторами. Внутренние, психологические факторы тоже играют свою роль, но они должны быть задействованы обстановкой, в которой существует индивид. Правда, до стройной концепции социологических характеристик детерминант предсуицидального состояния пока не дошло.

Если вести речь о временных рамках предсуицидального состояния, то здесь даже нельзя использовать традиционную фразу «мнения расходятся». Мнений практически нет. Исследователи согласны лишь в очевидном: началом этого периода является момент возникновения суицидальных мыслей, завершением – либо осуществление трагического замысла, либо – отказ от него. Продолжаться такое состояние может от нескольких минут до нескольких месяцев (см.: [8. С. 22–28]).

Названные обстоятельства являются серьезным фактором, затрудняющим как фиксацию психологи-

ческих изменений, в итоге приводящих индивида к суициду, так и поиск способов работы с человеком, совершившим попытку самоубийства (попытку – по счастью – неудачную).

II

Попробуем подойти к определению и характеристике предсуицидального состояния через проблему понимания человеком самого себя, проблему ощущения человеком собственного «я». Почему такой подход кажется перспективным? Начнем с очевидного: всю информацию, приходящую извне, человек пропускает через фильтры собственного «я» – т.е. «я» создает картину сущего, оценивает ее и принимает решение по поводу действия. Также очевидно следующее: понимание собственного «я», понимание себя как «я», отличного от других, даже понимание смысла местоимения «я», – феномен, не выводимый не из чего другого и не к чему другому не сводимый. То есть «я» фундаментально и изначально.

Не менее очевидно, что суицид – это прежде всего уничтожение собственного «я». Уничтожение своего тела является лишь физической операцией, необходимой для уничтожения «я», ну а уничтожение переживания окружающего мира – это неизбежное, но не очень важное следствие уничтожения «Я». Соответственно, понимание истоков возникновения и особенностей проявления предсуицидального состояния следует искать прежде всего в переживаниях «я». У суицида есть, разумеется, и социальные, и психологические, и многие другие причины – это все важно, но вторично.

Для формирования концепции «я» обратимся к экзистенциально-герменевтической традиции.

Для начала определимся с терминами. Используемая нами парадигма предпочитает не употреблять существительные «чувство», «интуиция», «эмоция» и т.д., считая их чересчур сциентизированными. Вместо этого используются слова, окрашенные в онтологические (по мнению авторов) тона. В нашем случае важен термин «фундаментальное настроение». М. Хайдеггер пишет: «То, что мы онтологически помечаем титулом расположение, онтически есть самое знакомое и обыденное настроение, настроенность... присутствие всегда уже как-то настроено...» [9. С. 134].

Используя термин «фундаментальное настроение», попытаемся на первом этапе нашего поиска выяснить, чем конституируется фундаментальное настроение «я».

Фундаментальное настроение «я» прежде всего конституируется фундаментальным настроением выбора. Первым, кто обратил внимание на выбор и кто сделал его инструментом философского анализа, был датский мыслитель С. Кьеркегор. С его точки зрения выбор – феномен, создающий ощущение свободы, а свобода обуславливает переживание собственного «я»: «...величайшее открытие Кьеркегора – человек узнает возможность свободы – причем... как своей фундаментальной сущности» [10. С. 233].

В XX в. тему выбора использует М. Хайдеггер: «Возвращение себя назад из людей, т.е. экзистентное

модифицирование человеко-самости в собственное бытие-самостью, должно происходить как наиверстание выбора» [9. С. 268]. Но выбор – по Хайдеггеру – не является первичной, фундаментальной основой человеческого бытия. Выбор укоренен в возможности. То есть выбор конституируется переживанием возможностей: «Возможность... есть... исходнейшая и последняя позитивная онтологическая определенность присутствия» [Там же. С. 144]. Бытие в возможностях, переживание возможностей – фундаментальная характеристика человеческого «я».

Именно категорию «возможность» в ее экзистенциалистском понимании мы будем использовать для дальнейшего анализа.

Существование в возможностях – свойство, общее для всех людей. Но набор возможностей в каждом индивиде свой. И он постоянно меняется. Однако есть одна возможность, которая присутствует у всех и всегда (т.е. надличностна и вневременна). Эта возможность – смерть.

III

Говоря о роли смерти в существовании человека, следует отметить, во первых, ее главную функцию, и во вторых – ее аксиологическую локализацию.

Главная функция – создание фундаментального настроения «я». По мнению экзистенциалистов, смерть является последней возможностью, невозможностью всех возможностей, невозможностью, о которую разбиваются все планы и надежды. «Оттолкнувшись» от предстоящей невозможности всех возможностей, человек возвращается к себе, существующему сейчас и здесь, а поняв смерть как ту единственную возможность, которую никому нельзя передать, человек осознает себя не только как существующего сейчас и здесь, но еще и как единственного, единого «я». Таким образом и возникает фундаментальное настроение «я».

Аксиологическую локализацию смерти задает иерархичность человеческого мышления, а также невозможность мыслить актуальную бесконечность.

Иерархичность мышления – свойственное человеку деление всего сущего на последовательно усложняющиеся, совершенствующиеся и – соответственно – подчиняющиеся друг другу уровни. В «Философском словаре» под редакцией И.Т. Фролова иерархия понимается как «тип структурных отношений в сложных многоуровневых системах, характеризующий упорядоченностью, организованностью взаимодействия между отдельными уровнями по вертикали» [11. С. 201]. Вопрос о том, что первично – объективная иерархия, существующая в мире, или свойство человеческой мысли повсюду видеть разные, подчиненные друг другу уровни, в данном случае не так важен. Большинство авторов, создающих те или иные классификации, используют иерархичность как нечто несомненное и интуитивно очевидное. Речь может идти об иерархии различных уровней материи, иерархии потребностей (см.: [12. С. 56]), классификации формальных языков и формальных грамматик (см.: [13. С. 114]), о социальной стратификации (см.: [14. С. 218–219]), а также об иерархии ценностей (см.: [15. С. 369]).

Обратим внимание на следующее: нет никаких объективных обстоятельств, которые препятствовали бы увеличению количества иерархических уровней. Элементарную частицу можно бесконечно дробить (разумеется, мысленно), над теоретическими законами можно бесконечно надстраивать обобщающие конструкции, вирус можно разобрать на составные части, можно обнаружить более сложную организацию, чем человек, количество метаязыков ничем не ограничено, точно так же нет объективных препятствий для конструирования бесконечности ценностей.

Очевидно, главным обстоятельством, ограничивающим количество уровней, является не объективная конечность уровней реальности, а конечность (т.е. невозможность конструировать актуальную бесконечность), свойственная человеческому мышлению. Эта конечность проявляется и в структуре системы ценностей. Ряд, в который выстраиваются ценности, как иерархичен, так и конечен. Если предположить, что ценности составляют два класса – положительные и отрицательные, а каждому из них свойственна своя иерархия, то можно с уверенностью сказать, что смерть будет вершиной иерархии отрицательных ценностей.

Логика здесь такова. Иерархия негативных ценностей существует – существует прежде всего в человеческой мысли. Иерархия не может быть бесконечной – таково свойство человеческой мысли. Завершение данной иерархии – нечто, в высшей степени негативное, в высшей степени нежелательное. В случае человека таковым является смерть.

Аксиологическая локализация смерти – на крайней низкой позиции в иерархии ценностей. То есть смерть – самая нежелательная из всех человеческих возможностей.

В обычном, нормальном человеческом существовании – в нашем контексте под таким существованием подразумевается существование не в предсуицидальном состоянии – настроенность на смерть безусловно присутствует. Но она сочетается с настроенностью на очень большое количество иных, нелетальных возможностей. Поэтому смерть, хоть и является в предельной степени нежелательной возможностью, исполняет лишь «служебную» функцию – конституирует фундаментальное настроение «я».

IV

В предсуицидальном состоянии смерть сочетается с настроенностью на очень малое количество альтернативных возможностей (часто кроме смерти видится не больше одной возможности). Такое ограничение круга видимых возможностей обычно в литературе называют «туннельным сознанием». Под ним «понимается... концентрированность человека на какой-либо одной идее, ощущении, воспоминании, мешающая охватывать ситуацию целиком» [16. С. 24].

То есть «туннельное сознание» – временное сужение сознания, узкая и избирательная концентрация на стимулах окружающей среды (см.: [17. С. 70]).

Роль смерти в существовании «я» резко изменяется как в плане функциональном, так и в плане аксиологическом. Из «служебной» невозможности всех

возможностей смерть превращается в реальную, осуществимую возможность. Соответственно, она перестает быть последней возможностью, а также перестает быть первой в иерархии нежелательных возможностей. Последней возможностью и невозможностью всех возможностей становится возможность пребывания в том состоянии, в котором индивид находится сейчас. С определенной долей условности можно назвать ее суицидогенной возможностью. Разновидностей таких возможностей много, они достаточно подробно исследованы в литературе. В предсуицидальном состоянии именно суицидогенная возможность начинает определять «я» и получает статус первой в иерархии нежелательных возможностей.

Фундаментальное настроение «я» патологизируется и становится субъективно непереносимым. В этих условиях появляется мысль о восстановлении нормального переживания «я» – мысль об избавлении от самой нежелательной возможности.

Эта мысль восстанавливает смерть как последнюю возможность, однако не возвращает ей статус самой нежелательной возможности. Человек переходит в парадоксальное состояние: он переживает сильнейшее желание убить свое «я», дабы тем самым сохранить свое «я».

Самоубийца восстанавливает душевное равновесие, приняв окончательное решение об уходе из жизни. Это равновесие длится недолго: от принятия рокового решения до окончательного его осуществления.

V

Обратим внимание на два следующих обстоятельства. Одно просто очевидно, другое подтверждается клинической практикой. Очевидное обстоятельство: в жизни очень большого количества людей иногда возникают мысли о самоубийстве. Возникают, достигают той или иной степени остроты, а потом благополучно проходят. Клинической практикой подтверждается следующее. Большинство людей, совершивших серьезную (т.е. не демонстративную) попытку суицида, через некоторое время отказываются от этого плана и начинают вести нормальную жизнь. Соответственно, мы можем предположить: предсуицидальное состояние может привести к исполнению замысла, а может и пройти. При каких обстоятельствах оно проходит?

Предсуицидальное состояние проходит, если смерть опять занимает место последней возможности, предела возможностей и самой ужасной из возможностей. Каким образом смерть может возвратиться на свое «нормальное» место?

Как представляется, данное возвращение – двуправленный процесс: вытеснения и замещения.

Что вытесняется и каким образом это вытеснение происходит? Вытесняется, конечно же, суицидогенная возможность. Эта возможность, как мы уже заметили, одна, едина, охватывает (в данный момент) все существование человека и не может быть никому передана. Как вытесняется? Вытесняется путем перевода в языковую и логикосоразмерную плоскость. Смысл слова, смысл высказывания, смысл даже длинного текста определяется (в числе прочего) еще и смыслами соседствующих слов, текстов, фраз. Соседствующие смыслы

создаются контекстом, интерпретацией, «предрассудкам» и др. (см.: [18. С. 530]). И если суицидальная возможность переводится в языковую плоскость, то она неизбежно дробится на несколько возможностей. Что, естественно, ведет к утрате ею единственности, единости, всеохватности и непередаваемости. Причина очевидна: если возможность раздробилась на несколько, то какая из них единая, всеохватывающая и непередаваемая? Конкретное осуществление дробления идет путем построения и конкретизации понятий, выражающих данную возможность. Если пользоваться логической терминологией, то здесь осуществляется операция ограничения понятия. Данная процедура – «логическая операция, заключающаяся в том, что для какого-либо понятия находится менее широкое по объему понятие, но которое непременно входит в объем исходного понятия» [19. С. 532]. В практическом плане должно происходить следующее. Понятия, конструирующие суицидальную возможность, обычно имеют весьма большой объем («смысл жизни», «катастрофа», «крушение надежд» и т.п.). Если данные понятия ограничиваются, то они неизбежно распадаются на множество понятий с меньшим объемом. К тому же ограничение имеет следствием увеличение содержания понятия (см.: [20. С. 40]). Таким образом, вместо одной возможности появляются конкурирующие между собой несколько возможностей, каждая из которых – по причине увеличившегося и конкретизированного содержания – требует отдельного осмысления.

Вторая сторона этого процесса – замещение. Направляется предположение, что замещающим фактором выступает собственная смерть. Это, в общем, так, но процесс этот не такой прямой. Переходным звеном от упомянутой выше и приводящей к суициду мучительной возможности пребывания в том состоянии, в котором индивид находится сейчас, к возможности смерти является возможность, сочетающая в себе следующие признаки. Первый: она не может быть передана никому другому; второй: она еще более тяжела, чем действующая в данный момент

суицидальная возможность; третий: данная возможность не может быть избегнута суицидом. Даже наоборот – она может быть вызвана к жизни суицидом.

VI

Выводы из сказанного могут звучать следующим образом. Фундаментальное настроение «я» возникает при условии наличия фундаментального настроения выбора. Выбор есть прежде всего выбор возможностей. Условием наличия настроения выбора является наличие последней возможности (она же – невозможность всех возможностей) – смерти. В нормальном состоянии нормального человека, не размышляющего о суициде, смерть выполняет две функции. Первая – служебная. Будучи невозможностью всех возможностей, смерть актуализирует переживание «я». Вторая функция – аксиологическая: смерть является высшим и последним элементом в иерархии нежелательных возможностей. В предсуицидальном состоянии эти положения изменяются. Смерть уже не невозможность всех возможностей – это место занимает возможность того негативного состояния, в котором человек пребывает и которое его тяготит. Это состояние изменяет переживание «я», изменяет ориентацию себя в собственном «я», изменяет шкалу ценностей «я». Пределом негативности на шкале ценностей «я» становится то состояние, которое вызывает мысль о суициде.

Предсуицидальное состояние может развиваться в двух направлениях. Первое – трагическое: человек предпримет действие для прерывания своей жизни. Второе направление развития предсуицидального состояния – его постепенное затухание. Происходит затухание в том случае, если та возможность собственного бытия, которая осознается человеком как ликвидируемая только и исключительно суицидом, распадается на несколько возможностей (желательно конкурирующих друг с другом), а также начинает оцениваться как не самая нежелательная среди предстоящих человеку возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смертность российских подростков от самоубийств. М. : Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2011. 131 с.
2. Стрельцова В.М. Человеческий поступок как предмет философской онтологии // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 46–48.
3. Ефремов В.С. Основы суицидологии. СПб. : Диалект, 2004. 480 с.
4. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов : в 2 т. М. : Феникс, 1996. Т. 2. 448 с.
5. O'Connor R.C., Anton A.L. A thematic comparison of suicide notes drawn from Northern Ireland and the United States // Current Psychology. 2004. Vol. 22. P. 339–347.
6. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб. : Питер, 2002. 542 с.
7. Махлейт В. Суицидальность // Кискер К.П., Фрайбергер Г. и др. Психиатрия, психосоматика, психотерапия. М. : Алетей, 1999. С. 226–233.
8. Леонарс А.А., Лестер Д., Лопатин А.А. Анализ предсмертных записок из России и Соединенных Штатов // Социальная и клиническая психиатрия. М. : Изд. Рос. общества психиатров, 2002. Т. 12, вып. 3. С. 22–28.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
10. Weischedel W. Die philosophische Hintertreppe. München, 1991. 302 s.
11. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М. : Республика, 2001. 719 с.
12. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Питер, 2016. 399 с.
13. Хомский Н. Избранное. М. : Энциклопедия-ру, 2016. 720 с.
14. Сорокин П.А. Система социологии. М. : Астрель, 2008. 1008 с.
15. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. 413 с.
16. Стеценко О.В. Как не пить. Челябинск : Энциклопедия, 2008. 81 с.
17. Пашковский В.Э. Психические расстройства с религиозно-мистическими переживаниями: Краткое руководство для врачей. СПб. : Издательский дом СПбМАПО, 2006. 144 с.
18. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
19. Кондаков Н.И. Логический словарь. М. : Наука, 1971. 656 с.
20. Формальная логика. Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. 357 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 1 октября 2019 г.

A Pre-Suicidal State: Causes and Possible Development Scenarios. A Philosophical Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 93–97.

DOI: 10.17223/15617793/450/11

Evgeniy Yu. Sivertsev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: Emden1914@mail.ru

Keywords: suicide; pre-suicidal state; death; choice; freedom; possibility.

The article is devoted to the analysis of a psychic deviation known as a pre-suicidal state. The perception of this phenomenon in contemporary sources, including philosophical, psychological, and medical ones, has been thoroughly analysed. Two main interpretations of the pre-suicidal state have been identified: sociological and psychological. Notwithstanding all the differences between the two, both interpretations characterise this state through a set of external causes and empirical indicators. One of the reasons of such an interpretation of the term, which implies a certain way of the understanding of the pre-suicidal state itself, is the lack of a thorough philosophical explanation of the state in question. As a result, there is no systematic uniform approach to the characteristics of the pre-suicidal state, which causes problems in identifying its time frames as well as the particular behaviour traits of a person with suicidal tendencies. For solving these problems, it might be instrumental to resort to the techniques existentialist philosophy elaborated in the 19th and 20th cc. These techniques may enable one to reveal the nature of the pre-suicidal state, i.e., to explain why a person should feel a desire to eradicate oneself. The research is based on one of the key points of the existentialist paradigm: the person's understanding of self is shaped by three main factors: freedom, choice, and death. Death is a prerequisite for a person's experience of choice, while choice is a prerequisite for a person's experience of freedom. Therefore, death is the last possibility expected. The pre-suicidal state occurs when death is excluded from the variety of possibilities and is substituted by experiencing certain life circumstances. A person's assessment of death also undergoes a change in the process: instead of the most tragic event possible it becomes the most desirable. Thus, a person's pathologisation takes place as self is now understood not through the expectation of death but through the expectation of some tragic life circumstances. The author draws the following conclusions. The pre-suicidal state is caused not only by the combination of external circumstances and psychic peculiarities of the suicidal person (which are mainly held responsible in contemporary literature), but also by the change in the person's understanding of self. In the pre-suicidal state, one's understanding of self is no longer shaped by the expectation of death as the terminal and most tragic possibility but by the expectation of certain life circumstances which are now seen as the terminal and most tragic ones. Therefore, not only the reassessment of external circumstances is instrumental in overcoming the pre-suicidal state. This reassessment should be complemented by the procedure of restricting the volume of the concepts determining the pre-suicidal state, which results in fragmenting and weakening of the tragic worldview initially caused by external circumstances. Consequently, death is to regain its normal place in the person's understanding of self as the terminal and most tragic possibility.

REFERENCES

1. UNICEF. (2011) *Smertnost' rossiyskikh podrostkov ot samoubiystv* [Adolescent Deaths From Suicide in Russia]. Moscow: UNICEF.
2. Strel'tsova, V.M. (2008) Human Action as a Subject of Philosophical Ontology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 309. pp. 46–48. (In Russian).
3. Efremov, V.S. (2004) *Osnovy suitsidologii* [Basics of Suicidology]. St. Petersburg: Dialek.
4. Bleykher, V.M. & Kruk, I.V. (1996) *Tolkovy slovar' psikhiatricheskikh terminov: v 2 t.* [Explanatory Dictionary of Psychiatric Terms: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Feniks.
5. O'Connor, R.C. & Leenaars, A.A. (2004). A thematic comparison of suicide notes drawn from Northern Ireland and the United States. *Current Psychology*. 22. pp. 339–347.
6. Beck, A., Freeman, A. & Denis, D.D. (2002) *Kognitivnaya psikhoterapiya rasstroystv lichnosti* [Cognitive Psychotherapy of Personality Disorders]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
7. Machleidt, W. (1999) *Suitsidal'nost'* [Suicidality]. In: Kisker, K.P. et al. (eds) *Psikhiatriya, psikhosomatika, psikhoterapiya* [Psychiatry, Psychosomatics, Psychotherapy]. Translated from German. Moscow: Aleteyya. pp. 226–233.
8. Leenars, A.A., Lester, D. & Lopatin, A.A. (2002) *Analiz predsmertnykh zapisok iz Rossii i Soedinennykh Shtatov* [Analysis of Suicide Notes From Russia and the United States]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*. 12 (3). pp. 22–28.
9. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.
10. Weischedel, W. (1991) *Die philosophische Hintertreppe*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
11. Frolov, I.T. (ed.) (2001) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Respublika.
12. Maslow, A. (2016) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
13. Chomskiy, N. (2016) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Entsiklopediya.ru.
14. Sorokin, P.A. (2008) *Sistema sotsiologii* [The System of Sociology]. Moscow: Astrel'.
15. Rickert, H. (1998) *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Sciences of Nature and Sciences of Culture]. Translated from German. Moscow: Respublika.
16. Stetsenko, O.V. (2008) *Kak ne pit'* [How Not to Drink]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
17. Pashkovskiy, V.E. (2006) *Psikhicheskie rasstroystva s religiozno-misticheskimi perezhivaniyami: Kratkoe rukovodstvo dlya vrachev* [Mental Disorders With Religious Mystical Experiences: A Quick Guide for Doctors]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom SPbMAPO.
18. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.
19. Kondakov, N.I. (1971) *Logicheskii slovar'* [Logical Dictionary]. Moscow: Nauka.
20. Chupakhin I.Ya., Brodskiy I.N. (eds) (1977) *Formal'naya logika* [Formal Logic]. Leningrad: Leningrad State University.

Received: 01 October 2019